

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «МЕЩАНСТВО» В ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКЕ XVII ВЕКА

Статья посвящена анализу истории понятия «мещанство» в языковой практике России XVII века. На основании достижений школ: немецкой *Begriffsgeschichte*, французской «лингвистической истории концептуальных словоупотреблений», а также «History of Concepts», сформулированной в работах К. Скиннера и Дж. Покока, — анализируется социокультурный контекст бытования понятия «мещанство». Показан процесс рецепции заимствованного слова в контексте «образа Чужого» и его дальнейшее ментальное принятие русской языковой средой.

Ключевые слова: мещанство, история понятий (*Begriffsgeschichte*), языковая практика, социокультурная история.

Основателем такого направления исторической мысли, как «история понятий» (*Begriffsgeschichte*), принято считать Р. Козеллека, а также его коллег по написанию многотомного труда «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии» [10–12]. Методологически близким к данной школе в англоязычной историографии является направление «History of Concepts», сформулированное в работах К. Скиннера и Дж. Покока [7, с. 6–26; 23, с. 38–58]. В основе данного подхода лежит признание тесной взаимосвязи общественного сознания с языковой практикой как в устной, так и в письменной форме [23, с. 38–58]. Несмотря на то что герменевтик Х.Г. Гадамер указывал на необходимость точного разграничения исторической и философской истории понятий, хотелось бы опереться на его тезис о языке как центральной проблеме понимания, в частности «язык ... есть всеобъемлющая, предвосхищающая истолкованность мира ... Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке» [4]. Признавая всю важность герменевтического анализа «жизни» понятия в языке, следует выделить ряд исследовательских операций, которые, на наш взгляд, характеризуют метод. Во-первых, это исследование так называемого контекста. Каждое понятие подразумевает среду обитания, или контекст. Исследователь может сконцентрироваться на тех текстах, которые, по его мнению, в наибольшей степени характеризуют бытование понятия. Отсюда проистекает необходимость операций лингвистического дискурс-анализа. Во-вторых, в ситуации после «лингвистического поворота» большинством исследователей признается факт лингвистически ориентированной эпистемологии. Поэтому, на наш взгляд, дискурс-анализ неотделим от истории понятий. История понятий проявляет интерес к тому, как понятие формирует культурный опыт. В-третьих, это выявление длительности развития понятия. Понятие обладает разными временными наслоениями, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени [10, с. 24].

* © Кобозева З.М., 2012

Кобозева Зоя Михайловна (zoza_kobozeva@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Таким образом, при помощи истории понятий можно изучать не только изменения в области научных теорий, но и социально-политические перемены в обществе. «Как сфера изучения человеческого опыта и ожиданий история понятий позволяет через анализ употребления и смыслов понятий очертить взаимоотношения больших структур и повседневности, ответить на вопрос о том, как понимают окружающий мир исторические актеры, как они его для себя интерпретировали, поскольку это также находит свое выражение в языковых формах и поддается изучению при помощи понятий» [8, с. 319]. Кроме того, «за каждым понятием стоит история долгих теоретических исканий и столкновения мнений, изменение трактовок и даже семантических оттенков терминов научного языка», что «как правило, свидетельствует о смене парадигмы познания» [15, с. 72].

Для анализа истории понятия «мещанство» в первую очередь следует выделить группы источников, позволяющих анализировать бытование данного слова в языке и социальном окружении*. Первую группу составляют нормативные источники, к которым относятся законодательные памятники, делопроизводственная документация, словари и энциклопедии. Данные источники представляют долговечную информацию. И тем не менее мы можем наблюдать, как происходит постепенное «нагружение» понятия новыми слоями значений, легитимными и институциональными [10, с. 32]. Диахронное сравнение статей в своде законов Российской империи и добавлений к ним, а также сравнение словарей как дореволюционных, так и постреволюционных (при анализе истории понятия «мещанство» начиная с XVIII в.) позволяет обнаружить повторяемость семантики и инновации.

Другую группу источников составляют труды отечественных и зарубежных историков. Проблема интерпретации смыслов, связанных с понятием «мещанство», здесь напрямую выходит на анализ классово-сословной парадигмы в отечественной и зарубежной историографии, что заставляет нас, следуя логике метода, проанализировать историю социальных понятий «класс» и «сословие».

Третью группу источников образуют художественная литература и публицистика, породившие дискурс «мещанства» как особого психологического типа.

И, наконец, повседневный дискурс бытования понятия зафиксирован в фольклорных текстах, к которым можно отнести различные жанры русского народного творчества.

Таким образом, история понятий позволит представить мещанство не только как историографическую проблему, но и в контексте лингвистически конструированного социального значения и исторического опыта [1, с. 49], как отмечал Р. Козеллек, «значение слова, с точки зрения парадигмы, всегда отсылает к чему-то имеющему значение, неважно, есть ли это способ мысли или положение вещей. Смысл живет в слове, но питается также устным или письменным контекстом и соответствует одновременно той ситуации, к которой он отсылает» [1, с. 50]. Историю понятий отличает от обычного лингвистического анализа то, что понятие необходимо интерпретировать в объемном историческом контексте: устанавливается взаимосвязь между словами, понятиями и исторической действительностью [1, с. 55]. Р. Козеллек обращает внимание на задачу «схватывания» понятийного аппарата прошедших эпох: «Предметом истории понятий является не историческое явление само по себе, а его доступное языку отражение в сознании» [1, с. 56].

Сходные с историей понятий Р. Козеллека позиции выражает французская исследовательская школа «лингвистической истории концептуальных словоупотреблений»,

* В данной статье как источники будут использоваться только словари. Анализ других групп источников приводится в качестве перспектив рассмотрения данной темы в рамках «Begriffsgeschichte».

которая исходит из герменевтической точки зрения, считающий анализ языковых условий появления тех или иных дискурсивных форм предпочтительным путем к постижению их исторического содержания [5, с. 93]. Так, анализируя в одном из выпусков «Словаря социально-политических словоупотреблений» понятия «санкюлоты», «аристократы», «анархисты», авторы обращают внимание на их соответствие революционному дискурсу, отмечая все изменения и реинтерпретации, которым они подвергались [5, с. 94]. Таким образом, заимствуя теорию дискурса из данного направления, нам видится весьма важным для анализа понятия «мещанство» использование дискурс-анализа. «Языковым событием» [5, с. 115] для мещанства стало включение слова в дискурс российского законодательства в XVIII веке. И на протяжении XIX века мы видим, как реальность сословной идентичности структурируется благодаря языку, структурируется в качестве реальности пространства/времени человеческой коммуникации [5, с. 101].

Рассматривая возможности применения методологических достижений кембриджской школы к анализу истории понятия «мещанство», кажется все же несколько надуманным противопоставление этой школы германскому и французскому лингвистическому направлениям. Суть подхода кембриджской школы — идеи в контексте, или контекстуализм [2, с. 114]. Выделяется и конвенционализм, который в отличие от контекстуалистов («для понимания текста его нужно поместить в контекст современных ему условий») [2, с. 115], настаивает на значении авторских интенций в формировании текста. Опять-таки нам кажется, что и контекстуализм, и конвенционализм являются двумя «сторонами одной медали», двумя явлениями, в равной степени влияющими на языковую парадигму языка. В целом все вышеобозначенные методологические направления позволяют решить поставленную в исследовании задачу: проанализировать историю понятия «мещанство» в контексте российской истории.

В русскую языковую практику слово «мещанство» входит из польского языка, в котором *miasto* означает город, *mieszczane* — горожане [17, с. 570]. В других славянских языках слово имеет сходное значение. В белорусском языке мястэчка — город, поселок. В украинском — *misto* — город, городок. Таким образом, слово «мещанство» происходит от названия небольших городов — «местечек», причем до сих пор в просторечье сохраняется определение «местечковый» в значении «узости кругов интересов», «провинциальности». Как мы видим, сразу на название сословия была наложена пространственная характеристика, связанная с небольшими размерами, сводящаяся к значению слова «местечко». Местечком называлась разновидность городского поселения в Речи Посполитой. В словаре Д.Н. Ушакова «местечко» как производное уменьшительно-ласкательное от слова «место» употребляется в значении места на службе (Грибоедов: «Как будешь представлять к крестикшу иль к местечку, ну как не порадеть родному человечку?»), в значении места как пространственно-географической характеристики (Грибоедов: «Выбрали место для отдыха»), и, наконец, в значении «местечко» как большое селение городского типа (Пушкин: «Никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке») [24, ст. 191]. В толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой «местечко» определяется как поселок полугородского типа на Украине и в Белоруссии [16, с. 351]. Аналогичное определение находим в «Большом энциклопедическом словаре» [3, с. 721]. В еврейском обиходе понятие «местечко» подразумевало характер своеобразного быта еврейства, его религиозно-культурную особенность и духовно-социальную автономию общины. Жизнь еврея в местечке ограничивалась домом, синагогой и рынком [13, с. 14–321]. Даже в самой еврейской литературе и искусстве (И.Л. Гордон, Менделе Мойхер Сфарим и др.) сложился негативный образ местечковой жизни. Однозначные прилагательные в идиш «клейнштетдик» (буквально мелкоместечковый) и в русском

языке «местечковый» обрели негативную коннотацию как символы провинциальности и ограниченности [13, с. 314–321]. Показательно, что в русском языке определение «местечковый» с точки зрения жизненных интересов и текстов поведения закрепилось за «мещанством». Но как и в современной отечественной науке происходит так называемая «реабилитация» мещанства, так и в еврейской литературе началась идеализация «местечка», его мифологизация в контексте «утраченного рая», «отчего дома еврея» [13, с. 314–321]. Что касается дореволюционной Самары, то к концу XIX в. усилился приток евреев в город, к 1897 г. их количество составляло 1327 человек [14, с. 616]. Ревизские сказки и посемейные списки мещанства начала XX в. также свидетельствуют о значительном увеличении еврейских семейств в составе горожан [26]. Можно предположить, что на региональном уровне данное обстоятельство способствовало контаминации смыслов еврейского «местечка» и мещанства, учитывая определенную ментальную общность этих историко-культурных явлений.

Таким образом, появление слова «мещанство» в русском языке в значение польского «место», «город» и дальнейшая рецепция в русскую культуру в негативной коннотации «местечковость» демонстрируют стойкое ментальное неприятие в русской культуре всего, что связано с мелкими обывательскими интересами и «торгашеской» психологией. С другой стороны, в русской культуре любое негативное оценочное явление имеет свою оппозицию в противоположном значении. В этом отношении показателен семантический ряд пословиц и поговорок, связанных со словом «место»: «Не место красит человека, а человек место»; «В большом месте сидеть — много надобно ума иметь»; «Свято место пусто не бывает»; «Глупый ищет большого места, а умного и в углу видать»; «Большое место взяв, умей давать устав»; «Сокол с места, а ворона на место»; «Не припасши места, не садись» и т. д. [20, с. 118]

Само слово «мещанин» фиксируется в русской лексике XVII века в двух значениях. В средневековом русском городе этим словом назывался житель посада, слободы, как правило, мелкий ремесленник или торговец, входивший в городское податное сословие. В источниках XVII в. встречаем: «И князь велики вскоре повеле бою престати, и владыка Смоленский Варсонофеи и князи, и бояре, мещане и все граждане выслаша из града бити челом, чтоб великий государь свою отчину и днину пожаловал ... велел им ... служить себе» [21, с. 143]; «стрельцов и мещан, которые взяты были в полон, у литовских людей отбили» [21, с. 144]; «Богодуховские новоприхожие черкасы — атаман Тимош Крыса, мещан — 33; рядовых пахотных казаков — 1096» [21, с. 144]; «Причем (при заключении сделки) и соседы его были обыватели того ж села Ржавия: Ивашка Никоненко, Шулка Казак и Сергей Тулукаленко мещанин» [21, с. 144]; «Мещане: сии реч посадские люди» [21, с. 144]. Второе значение употребления слова «мещанин» связано с обозначением в западно-русских, западно-славянских, литовских городах, называвшихся «место», горожан вообще, представителей торгово-ремесленной части населения города [21, с. 144]. В этом значении встречаем слово «мещане» в следующих контекстах: «А в Смоленску встретили великую княжну князь Олександр Отокста да Юрьи Зиновьев...а с ними все люди смолняне, боаре и мещане» [21, с. 144]; «Литовские послы ... к Москве приехали ... а людей их триста девяносто четыре человека, опричь мещан купцов, а лошадей с ними пятьсот ... опричь купетских лошадей» [21, с. 144]; «Бутто польскому и литовскому полону шляхте и мещаном и пашенным мужиком учинена всем свобода и отпуск без разбору» [21, с. 144]; «Приехал из Витебска мещанин на имя Гришка Пасерин с товарищем для торговли» [21, с. 144]; «В том городе имянитых мещан...» [21, с. 144]; «Цывис — мещанин» (о жителе Мещанской слободы в Москве, населенной выходцами из западнорусских и польско-литовских городов) [21, с. 144]; «Государь ... жаловал к руке посадских людей, и мещан, и немец, которые встречали ево, государя» [21, с. 144].

Что касается прилагательного «мещанский», в источниках XVII в. оно встречается в тех же двух значениях: древнерусском, как относящийся к мещанам — мелким ремесленникам, жителям посада, слобод средневекового русского города («Имена подьячего Василья Красулина людей, которым дать отпускные: Копосовитин мещанский сын Кондрашка Юрьев» [21, с. 144]; «Да 40 аршин кружив нитяных куплено в мещанских лавках» [21, с. 144]) и западно-русском (относящийся к горожанам, торгово-ремесленному населению западно-русских, западно-славянских, литовских городов (имевших самоуправление по Магдебургскому праву): «А на тех, государь, местех стоят шляхецкие и рейтарские, и начальных людей, и казацкие, и мещанские дворы» [21, с. 144]; «Посылаю ... в замок (Митавский) к шведам письмо, чтобы они из замку по мещанским домам из пушек не стреляли» [21, с. 144]; «В царствующий наш град Москву гостем и гостиныя и суконныя и черных сотен и Кадашевской и Хамовных и Дворцовых и Конюшенных и Мещанской слободы торговым и всяким тяглым людем» (Мещанской слободой в Москве называлась слобода за Земляным валом, где жили выходцы из западно-русских и польско-литовских городов) [21, с. 144].

Таким образом, термином «мещане» в XIV-XVII вв. назывались жители городов западной и южной Руси, входивших в состав Польско-Литовского государства (Украина, Белоруссия, с XVII века — жители Смоленских земель) [22, с. 415-416]. Однако в «Региональном историческом словаре XVI-XVII вв. (по памятникам письменности смоленского края)» слово «мещанин» не упоминается [19]. В XVII в. мещанами начинают называть население Мещанской слободы, образованной в 1671–1672 годах около Москвы выходцами из Польши, находившимися на службе у Посольского приказа. Это были квалифицированные мастера, торговцы и «целовальники» при Посольском дворе [17, с. 570].

В 1925 г. Г.К. Честертон писал: «Нам нужна новая наука, которая могла бы называться психологической историей. Я бы хотел найти в книгах не политические документы, а сведения о том, что значило то или иное слово ... в сознании человека, по возможности обыкновенного...» [27, с. 178]. Применительно к восприятию слова «мещанство» жителями России XVII века требуется культурно-семиотический подход, который «предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения» [25, с. 9].

XVII век с точки зрения урбанистических процессов — время усложнения социальной структуры городского сообщества. «По мере развития государства растет дифференциация общественных функций. Внутри городского сообщества возникает ряд миров и мирков (микрогрупп), где царит неповторимая атмосфера со своими интересами, обычаями, идеями и настроениями» [6, с. 652].

Слово «мещанство», как было сказано выше, приходит в Россию с Запада, через юго-западные земли. Возникает вопрос: как воспринимались жителями центральных русских земель те, с которыми ассоциировалось это слово, как «свои» или «чужие». Обитание иностранцев в городе придает ему атмосферу международного центра [6, с. 687]. Открытость внешним влияниям — неперемное условие развития культуры. «Город дает возможность постоянно общаться местному населению с чужаками и представителями иных этносов, социальных групп и иных культур — «чужеземцами», «немцами», прибывавшими на Русь... «Чужое» высоко оценивали на шкале культурных ценностей, но оно вызывало и психологическое недоверие, вызываемое сознанием его инородности» [6, с. 687]. Культурные связи с Украиной и Белоруссией при царе Михаиле Романове, как пишет А.М. Панченко, встречали неприязненное отношение со стороны московского духовенства. В 1620 г. по инициативе патриарха Филарета решено было перекрещивать «белорусцев». Московские власти сжигали как еретические некоторые произведения юго-западных авторов [18, с. 346–347]. Но

патриарх Никон изменил направление церковной политики, оказывая покровительство южно-русским книжникам, партесному многоголосью и киевским и черниговским издательским традициям. В это время происходит мощное вливание «барочной» культуры: расцвет русской силлабики связан с именем Симеона Полоцкого. Карион составляет учебники для царевича Алексея Петровича. Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский — выпускники Киево-Могилянской академии.

Таким образом, XVII век, век перехода от Древней Руси к Новой России, трактуется как европеизация, как переориентация русской культуры сначала на католическую Польшу, затем на протестантскую Германию и, наконец, на Францию [18, с. 367]. Как постигал город «барочную культуру»? Существуют достоверные статистические данные о грамотности мужского населения Москвы в середине XVII в. Белое духовенство было почти поголовно грамотным, черное — на три четверти, купцы — от 75 до 96 грамотных на 100 душ мужского пола, посадские мужики — от 25 до 50 %. [18, с. 377]. Во второй половине XVII века Московский печатный двор издал 300 тысяч букварей и 150 тысяч учительный псалтырей и часословов, буквари продавались по копейке за штуку [18, с. 377]. Можно предположить, что в восприятии образа Чужого на повседневном обывательском уровне уже не было того ригоризма, который отличал дискурс «традиционалистов» начала XVII века. Многие «новаторы» исповедовали католический постулат, согласно которому человек оправдывается перед господом делами [18, с. 386]. В сущности, социальная группа людей, к которой стал применяться термин «мещане» — была именно той частью горожан, которые были связаны с «делом»: занимались ремеслом и торговлей. Кроме того, городская субкультура, в которую инкорпорируются «мещане» в XVII в. в основном представляла собой слои, стоящие вне социальной иерархии или на нижней ее ступени, «простая чадь» — мелкие торговцы, неквалифицированные ремесленники, городская гольтьба, странники, юродивые и т. д. (в статье В.П. Даркевича «Градские люди» речь идет о таких социальных слоях применительно к XI — XIII вв.), которые, по мнению В.П. Даркевича, «обладали своего рода интеллектуализмом “париев”: они способны к непосредственному восприятию высшего смысла мироздания и не сдерживаемому материальными соображениями этическому евангельскому пафосу» [6, с. 687]. Таким образом, на наш взгляд, традиционная для города как социокультурного механизма готовность к усвоению инородных нововведений, открытость внешним влияниям, предопределила положительные коннотации в восприятии слова «мещанство» в XVII веке.

«Представления, формирующие картину мира, входят в значение слов в новоявленном виде; человек принимает их на веру, не задумываясь, и часто даже сам не замечая этого. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» [9]. Отталкиваясь от данного высказывания, можно предположить, что вместе со словом «мещанство» в русскую обиходную культуру входит и горожанин западноевропейского типа с более рациональным, нежели у традиционного посадского населения, секуляризированным сознанием.

Библиографический список

1. Бёдекар Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера; пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
2. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера; пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

3. Большой энциклопедический словарь /гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
4. Гадамер Г. История понятий как философия // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. URL: http://psylib.org.ua/books/_gadam01.htm (дата обращения: 17.09.2011)
5. Гийому Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
6. Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси. XI-XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000.
7. Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной, становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.
8. Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
9. Зализняк А., Левонтина И., Шмелёв А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/zalitznyak_a1.asp. (дата обращения: 11.11.2011).
10. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х. Э. Бёдекера; пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
11. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XV-XX веков: сб. научн. работ. СПб., 2006.
12. Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004. № 5(44).
13. Краткая еврейская энциклопедия. / гл. ред. И. Орен (Надель), Н. Прат, репр. изд. М., 1996. Т. 5
14. Краткая еврейская энциклопедия./ гл. ред. И. Орен (Надель), Н. Прат, репр. изд. М., 1996. Т. 7.
15. Леонтьева О.Б. Становление классово-сословной парадигмы в отечественной мысли XIX века // Проблемы российской и социальной истории. — Самара, 2011.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1997.
17. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 2000. Т. 3.
18. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб., 2005.
19. Региональный исторический словарь XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности смоленского края. Смоленск, 2000.
20. Русские народные пословицы и поговорки. М., 1958.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982.
22. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия. 1966. Т. 9.
23. Тимофеев Д. В. Понятие «просвещение» и «революция» в лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 35. М., 2011.
24. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Л–Ояловець / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
25. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
26. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 87, 88.
27. Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 178.

Z.M. Kobozeva*

**THE HISTORY OF NOTION «MESHCHANSTVO»
IN RUSSIAN XVII CENTURY LINGUISTIC PRACTICE**

The paper deals with the analysis of the historical aspect of the notion «meshchanstvo» (lower middle class) in the Russian linguistic practice of the XVII century. The analysis of sociocultural context of the notion is based on the achievements of different schools of thought: German Begriffsgeschichte, French «Linguistic History of Conceptual Word Use», as well as «History of Concepts» (K. Skinner, J.G.A. Pocock). The process of reception of the borrowed word as part of «the image of Stranger» and the way it is accepted by the Russian language are presented in the paper.

Key words: «meshchanstvo», history of notions (Begriffsgeschichte), linguistic practice, sociocultural history.

* *Kobozeva Zoya Mihailovna* (zoya.kobozeva@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.